

Мария Ануфриева

СНАСТИ И СТРАСТИ

Рассказ

Опубликован: «Дружба Народов» №7, 2013
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/7/10a.html>

Все складывалось как нельзя лучше. От удовольствия Арик почти в открытую захихикал, сжал кулаки и мелко-мелко затряс ими, одновременно слегка дрыгая ногами. У него были две новости — хорошая и прекрасная. Хорошая появилась только что, а прекрасная еще утром: от нее дрожало и вибрировало в груди, будто были там туго натянутые, режущие ладонь струны, как у старенькой никчемной мандолины, висевшей за платяным шкафом в его комнате ровно столько, сколько Арик себя помнил. И вот нашлась умелая рука, вытащила мандолину из-за шкафа и терзает струны маленькой округлой косточкой.

Арик с восторгом оттолкнулся обеими ногами от пола, лихо крутанулся в офисном кресле, но поймал насмешливый взгляд сидящей напротив Галины Васильевны и тут же спрятался от него в мониторе, для пущей деликатности втянув голову в плечи.

Галина Васильевна звалась офис-менеджером, была теткой директора, и в его отсутствие, да и в присутствии тоже, занималась приглядом за сотрудниками небольшого рекламного агентства, которых грозно именовала «шпендиками». Собственно, этот пригляд и был для нее основой непонятого слова «менеджмент», который она произносила с ударением на последний слог по аналогии со словом «ангажемент», которое раньше слышала от служившего в полуподвальном театрике «Трех лун» мужа Володьки, пока тот не сбежал от нее к костлявой рыжей костюмерше. К менеджменту, то есть пригляду за сотрудниками, Галина Васильевна подходила ответственно. Бывший инженер аэрокосмического приборостроения, она никак не могла взять в толк, как такие несуразные люди вообще могут появиться на свет. Ну, а каким образом они могут приносить пользу Анатолю, как ласково именовался ею директор, да и обществу в целом, было настоящей загадкой, хотя подтверждение этой пользы она неизменно получала раз в месяц в конверте без марок. Впрочем, получаемая стопочка пятитысячных была до неприличия тонка и, конечно же, не могла компенсировать тех титанических мыслительных усилий, которые она прилагала к решению стоящей перед ней задачи ежедневно, пять дней в неделю, восемь часов в день с перерывом на обед.

В поисках ответа она долго буравила взглядом то одного, то другого «шпендика», сидевшего с ней в одной из двух комнаток, составлявших офис агентства «Первая рекламная компания». Кто знает, может быть, разгадка этого когнитивного ребуса и составляла скрытую от нее самой суть и главную цель работы здесь. Хотя нет, конечно же, еще была игра в шарики, которой офис-менеджер предавалась со всей страстью новичка, освоившего компьютер.

Клиентов было немного, а если уж не врать себе, то откровенно мало, и рабочий день протекал по заранее известному сценарию: Галина Васильевна с высоко поднятой левой бровью придирчиво разглядывала своих подопечных, а те жались к мониторам, вылавливая минутки, чтобы ненароком заглянуть на обновление вакансий на сайте поиска работы. Проклятье работодателя — социальные сети — Анатолий недавно запретил с помощью своего племянника-компьютерщика, тоже Толяна, полтора часа возившегося в гробовой тишине. Сотрудники скорбно молчали, а Галина Васильевна ушла в банк,

будучи абсолютно уверенной, что Анатолий с Толяном не посягнут на шарики — единственную ее отраду.

Не пожелав принять деликатность позы одного из вверенных ее взору «шпендиков», загадочность которого казалась ей возмутительной, она громогласно спросила:

— Что ногами сучишь, Арсений? — и для пущего остроумия добавила: — Эээ... в лотерею выиграл, что ли?

Худенький Арик встрепенулся. В его больших, тревожных карих глазах мелькнул испуг, как у зверька, внезапно вытащенного из тесной норки беспощадным хищником. Но испуг тут же сменился вежливой улыбкой.

Галина Васильевна неизменно напоминала ему домоправительницу Фрекен Бок, с кряхтением перелезшую через экран и успешно мимикрировавшую под офисные реалии. Нотем же чутьем маленького зверька он чувствовал, что испуг надо всячески прятать, нельзя его обнаруживать перед большим зверем, даже перед собакой. Лучше вообще упасть замертво как перед медведем, авось пройдет мимо.

Но Галина Васильевна была ретивей медведя, с ней такие трюки не проходили. Оставалось улыбаться. Обычно это давалось ему с трудом, но сегодня он получил прекрасную новость, а за ней еще и хорошую!

— Как вы догадались про лотерею, Галиночка Васильевна, — с восхищенным удивлением протянул Арик. — Хорошие новости! База отдыха «Омут» наконец-то созрела! Хочет перейти на рекламный абонемент! Сорок тыщ в месяц только за маркетинговые консультации, не считая прочих работ. Но им не хватало партнера — убедить клиентов, что в «Омуте» лучшая рыбалка, охота, семейный отдых, в общем. И вот, буквально только что крупная сеть рыболовных магазинов «Снасти и страсти» подтвердила свою готовность стать партнером нашего «Омута»! Понимаете?! И даже первая акция почти готова — проведение лотереи среди всех постояльцев «Омута». Уже и название утвердили! В «Омут» всей семьей!

— Ишь ты, — то ли удивилась, то ли одобрила Галина Васильевна и передвинула поближе к монитору бокастое, похожее на бочонки семейство кактусов, которому надлежало защищать ее от вредного излучения компьютерной техники.

— Да, да, Галиночка Васильевна, завтра подписываем договор, получаем первый платеж и начинаем работу! Надо ехать в Торфяновск в комендатуру, брать разрешение на наружную рекламу у пограничников. «Омут»-то у нас в приграничной зоне! Да еще краевед там местный вызвался нам помочь, хороший такой дядька, энтузиаст. Мы ж туда экскурсии водить будем, по заповедным местам Торфяновского района. Уже и названия утвердили: «Православные святыни Торфяницы» и «Тропами торфяновских партизан». Паломничество, интерактив — то, что народу нужно!

— С тем же успехом ты можешь водить экскурсии на пустыри и промзоны за кольцевой автодорогой, — пробурчал грузный, одутловатый креативный дизайнер Юр Саньч, самый давний сотрудник «Первой рекламной», который пользовался покровительством Анатолия и занимал лучшее с точки зрения эргономики офисного пространства место: в дальнем углу, почти за шкафом, рядом с микроволновкой и обеденным столиком. Что, разумеется, развязывало ему руки в поисках творческого горения, которое он пытался раскочегарить в себе, ползая по сайтам с голыми девицами. Но оно отчего-то все не раскочегаривалось —

скорее всего, из-за неусыпного пригляда все той же Галины Васильевны: видеть происходившее на экране его монитора она не могла, но ее флюиды, подобно глушителям радиосигнала, ослабляли чары виртуальных прелестниц и гасили на корню реакцию на них Юр Саныча.

— Молчите, Юрий, — цыкнула она и на этот раз. — Можно подумать, у вас когда-нибудь были предложения лучше! Что ты там про святых говорил, Арсений?

Рассказать всю историю про торфяновского краеведа и про новые туристические тропы Арик не успел. Стрелки пластиковых часов с логотипом «Первой рекламной компании» приблизились к вертикальному положению. Когда до заветной отметки 18.00 оставалось несколько рубчиков, стрелка часов замедлила ход, словно прибывающий к перрону поезд. Казалось бы, вот же он, приехал — ан нет, еще движется, ползет, медленно-медленно тянет его электровоз к стоп-линии.

Последняя шпала... Приехали!

Галина Васильевна одним махом поставила на стол тяжелую квадратную дамскую сумку. Юр Саныч одним махом отказал гуттаперчевым девицам, нажав кнопку выхода из их развратных сетей. Арик одним махом перекинул через плечо шарф и первым был таков.

— Одно слово — «шпендик», — беззлобно вздохнула про себя Галина Васильевна, утрамбовывая в сумке пластиковую банку из-под борща.

Арик мчался к метро, подгоняемый в спину холодным осенним ветром. И даже он, ветер, не морозил его, а обжигал прекрасной утренней новостью: кажется, он Ей не безразличен! Дорога к метро всегда короче за разговором с самим собой, это он проверял дважды в день вот уже десять лет, с тех пор как начал работать.

«Влюбился, дуррак. Нет, ну дурак же. Сама — сама! — набрала мой номер, извинилась, что вчера не ответила: устала, заснула, не слышала. И ведь перезвонила же, а не сообщение прислала. И говорила хорошо, улыбалась, когда говорила, я слышал. А еще, наверное, щурилась. Она всегда щурилась, когда улыбается».

Вот ведь странно, он все время думает о ней, а лица не помнит. Вроде и встречал ее часто, смотрел... Да что смотрел — любовался! Но на расстоянии, спустя даже час, оно словно уходило в область фантазий, грез. И он, как ни силился, не мог собрать воедино эти ускользающие черты. Они убегали, будто хотели, чтобы он бежал за ними, и он бежал. Бежал, и в спину его толкал ветер. Бежал к метро, а на самом деле — бежал за ней.

«И познакомились по-дурацки, в больнице. Оба в тапках, у меня-то еще палец вылез, тьфу, гадость какая, хоть провались теперь, вдруг помнит. И халат в полоску, а сам еще перекошен на один бок, как старик. Потому что бухать с братом не надо было, мало ли, что раз в три года приезжает!.. Ах, да что же это я. Ведь если бы брат не приехал со своимпойлом, то и панкреатит не разыграл бы. А если бы приступа не было, то и больницы тоже. И тогда жизнь не была бы так прекрасна! Она на гинекологии лежала, уже почти выписывалась, и вот в лифте на первом этаже — перегруз. Вышли, уступили втолкнувшимся следом за ними бабушкам. Вы на каком этаже лежите, говорит... Неужели тапок мой порванный помнит?..»

У метро Арик набрал номер, который почему-то так и не сохранил в телефонной записной книжке. Ее телефон рассказал ему, что выключен.

Он сразу запомнил ее номер, и эти цифры стали ему родными, как ее второе имя, потому и не сохранил. Когда раздавался звонок или сигнал пришедшего сообщения, он теперь всегда на секунду замирал, не глядя на экран и загадывая, чтобы это были те самые цифры. Уже почти месяц на все звонки он отвечал немного раздраженно. Каждый из звонивших как бы обманывал его, подсовывал свои цифры и имена. Впрочем, хорошей новости он был рад. После того, как менеджер по работе с клиентами Катька засобиралась в декрет, все рекламные дела турбазы поручили вести ему. «Омут» давно прокручивался на месте, его хозяин мечтал о притоке людей, и вот «Снасти и страсти» готовы помочь им расставить сети на рыболовов.

В вагоне напротив Арика сидела девушка — читала-читала книжку, да и заснула над ней. Поезд в перегонах подтормаживал — следуя его ритму, девушка ватно валилась то на мужика справа, то на мужика слева, но, как и полагается спящей красавице, так просто не просыпалась — болталась между ними как главный приз, который им не суждено поделить между собой. На том же сиденье, что и девушка, но чуть поодаль, сидел совсем юный кавказец. Смотрел в окно напротив как в телевизор, и на лице его отражалась куча эмоций: от глупого восторга до крайней досады, что сидит он неудачно и девушка валится не в его объятия.

«Красивая, — думал Арик про девушку напротив. — А она красивая? Конечно... или так, не очень». Он стал думать, красивая она или нет, и понял, что вопрос этот ему не разрешить. Слово «красивая» не шло ее лицу. Да и она сама, казалось, убегала от этого слова, которое гналось за ней так же, как и Арик, делая вид, что вовсе и не гонится.

Вагон еще раз дернулся и остановился на конечной станции. Девушка вскинула голову и мгновенно открыла глаза — профессиональное пассажирское умение просыпаться. Арик поспешил вслед за ней, на ходу вынимая телефон. Связь есть, пропущенных нет. Не перезванивала.

На улице снова набрал ее номер, набрал и возле дома, и дома. В первом часу ночи она прислала ему сообщение: «Прости, телефон был в сумке. Встретимся завтра?»

Завтра было уже сегодня, он ответил ей и заснул, счастливый от того, что засыпает уже в этом сегодня и все складывается как нельзя лучше.

Утром у него была «местная командировка» — выезд в город по делам клиентов агентства, который извинял временное выпадение из поля зрения Галины Васильевны. Поехали они за подарками победителям лотереи «В Омут всей семьей» вместе с Катькой, которая непонятно, в декрете или нет: хоть на два-три часа, да придет в офис. Дома ей было скучно, а Галина Васильевна мало беспокоила: кто ж ее теперь уволит, беременную, так что смотри на здоровье, старая грымза, хоть глаза в мозоли сотри.

Катька все никак не могла расстаться с заботами о своем «Омуте», хоть и паршивенький до последнего времени был клиент, на заказы не богатый, зато красив и силен был его владелец. Видимо, этот повелитель загородных утех, а по совместительству государственный чиновник, и был тем мощным стимулом, что заставлял ее в зубах тащить «Омут» вперед, несмотря на кажущуюся бесперспективность.

По дороге они стали в пробку. За рулем служебного «Рено Кенгу» сидел маленький усатый завхоз Алексей. Он ругался и с опаской поглядывал вправо, на отодвинутое по максимуму переднее сиденье. На нем удобно полулежала трудолюбивая Катька и,

приподняв тонкий вязаный свитерок, задумчиво поглаживала живот, уже похожий на обтянутый кожей барабан, по центру которого от пупка тянулась четкая темно-коричневая полоска, как у заштопанного плюшевого медвежонка.

Чем чревата задумчивость в глазах беременных женщин вкупе с неумемной активностью тогда, когда уже надо дома на диване с вязанием лежать, Алексей знал. Пару лет назад жена родила ему сына раньше срока, не доехав до роддома, прямо в машине «Скорой помощи». Тоже вот так, как стрекоза, все порхала...

— В «Самоцветах» все и купим, — сама себе сказала Катька. — Не тормози так резко, Лешенька, ребенка разбудишь, он и так сегодня растолкался, прямо кувыркается.

— Причем тут «Самоцветы»? — удивился Арик.

— Где же еще мы купим яйца Фаберже? — удивилась она. — Кулоны в виде яиц. Директор «Омута» хочет подарить то, что от него не ждут. «Снасти и страсти» одобрили эту идею, а они спонсоры! К тому же мы будем развивать концепт «Купеческой России»: трактир, охота, рыбалка царская. Все на широкую ногу. Полный фэшн, короче. Понял? А рыбакам вручим яйца «под Фаберже»! Они смогут подарить эти кулоны своим женам, подругам, любовницам. И те простят им отсутствие, и в следующий раз охотно отпустят в «Омут»!

Арик посмотрел в окно на Неву, вдоль которой они толчками продвигались в веренице машин, и живо представил усатых мужиков в высоких резиновых сапогах, которых видел на фото турбазы. Мужики лыбились, держа в руках большущих рыбин. На груди у них красовались кулончики в виде яиц. Да уж, полный фэшн. И главное, Катьке-то что, через месяц она и не узнает, что думают мужики о кулонах.

Впрочем, все это ерунда. Она уже, должно быть, работает, уже в белом халате, поехала к кому-нибудь по вызову. «Да не стесняйтесь вы, — сказала она ему у лифта. — Я ведь тоже врач, не похожа? Это потому что детский». Детские врачи сейчас в цене. Мамаш много сумасшедших. Она «личный педиатр» в коммерческом медцентре, ее дарят детям на день рождения. Абонемент на нее. Она сказала, что любит свою работу, только мамаш часто дурами бывают. Заплатили клинике и весь год в претензии, что, мол, ребенок за такие деньги еще и болеет.

В магазине их догнал запыхавшийся завхоз и, пока Катька терлась возле витрины, прошептал Арику:

— Позвони лешему вашему из «Омута». Беременную бабу не переубедишь, она ж как кикимора. А тебе потом разгр. Теперь же ты за них отвечаешь! Давай, пока не видит!

— Чего вы там шушукаетесь? — не поворачивая головы, спросила

Катька. — Давайте яйца выбирать, тут есть маленькие со стразиками, и побольше, но не такие красивые.

— Катюша, жене день рождения скоро, будь другом, помоги подарок выбрать. Ну, так, чтобы полный фэшн и не дорого, — заканючил завхоз, увлекая ее к витрине с мельхиором и больно ткнув Арика локтем в бок.

Арик набрал номер хозяина «Омута» и в ответ на свой вопрос услышал сдавленный рык:

— Какие яйца? Вы что там, обалдели? У меня встреча с населением! Если я каждый раз буду думать, что подарить каким-то лохам, то вы мне на что? Решайте сами!

— Только что мне звонил владелец «Омута». Яйца отменяются, покупаем медальоны, серебряные, самые большие. На них закажем гравировку. С одной стороны «Снасти и страсти», с другой «Всегда Ваш, Омут», — как можно официальнее сообщил Арик Катьке через минуту.

Она, к его удивлению, не стала спорить: то ли выдохлась, уговаривая завхоза купить крупный браслет с финифтью, то ли замучил ее кувырками такой же активный, как она, плод. По дороге в офис Катька морщилась, временами выгибала спину и была неразговорчива. Затея с яйцами ее больше не волновала. Завхоз Алексей плавно жал на тормоз и вспоминал жену: вот хорошо обошлось, нормального пацана родила, в следующий раз покажет он ей беготню с животом.

Вечером Арик ждал ее в кафе. Он был весел и разговорчив, он был на высоте, хотя сердце его еще с обеденного перерыва покалывало где-то в пятках.

— Я через пару дней в Африканду поеду, к тетке, на две недели. Отпуск отгулять велели. А я давно не была, надо родню навестить, — сказала она.

— В Африканду? — удивился Арик. — Это что?

— Не что, а где! Поселок такой, в Мурманской области. Я в детстве всегда смеялась, когда там с родителями были. Представляешь, сопки, березы эти северные, карликовые, кривые такие. Холод собачий, и на тебе — Африканда! А потом прочитала, что это название придумали инженеры-путейцы, которые там железную дорогу строили. В единственный за все время теплый день они пошутили: «жарко, как в Африке». В шутку и назвали будущую станцию Африкандой. Так и осталось...

— Ты в Африканду, а я в Торфяновск, правда, на день всего, — сообщил он. Хотел рассказать про «Снасти и страсти», базу отдыха за двести с лишним километров от города, про яйца Фаберже, удачно замененные в последний момент на медальоны, но тут же передумал. Она занимается настоящим делом: детей лечит, а он тут про какой-то «Омут». Смешно.

Она отламывала ложкой неожиданно сухой чизкейк и заправляла прядки волос за ухо, казавшееся прозрачным и остреньким, как у эльфа. Он старался не смотреть настойчиво и удивлялся тому, что не помнил ее лица: вот же оно, такое знакомое, почти родное. Точеное, подвижное, но как будто за вуалью, оттого и не рядом она, даже если держишь за руку. Конечно, она красивая, какие могут быть сомнения. Только бы он ей нравился. Но нет, все-таки что-то ускользает. Или наоборот — растворяется? Во всем... О чем он думает, чему улыбается, чего боится? Вот тот мальчишка, прижавшийся снаружи носом к стеклу и строящий им рожи, пока мать увлечена разговором с подругой, — это тоже она. И завтрашняя поездка в Торфяновск имеет смысл только потому, что по дороге он будет думать о ней. И всю эпопею со «Снастями», «Омутом» и этой пошлой лотереей он сможет вынести лишь потому, что есть ей противовес — она. И весь последний месяц ему хорошо, даже когда все вроде бы плохо — оттого что она есть.

Арик порылся в кармане пальто и протянул ей маленький бархатный чемоданчик с крошечным замком, не зря же в «Самоцветах» побывал.

— Дома откроешь, — эти два слова с веселой улыбкой он репетировал полдня, потому что не хотел, чтобы подарок выглядел значительно. Кто знает, какие подарки ей дарят, тут надо сдержанно, чтобы не показаться смешным, к тому же и тапок с дыркой вдруг помнит.

Расстались как-то неловко, сумбурно, эскизно. Она просила не провожать, серьезным голосом, без кокетства просила, так, что настаивать неудобно: мы в разных концах города, ты потом на метро не успеешь, я волноваться буду. Один раз уговорил, проводил все-таки, но тоже неопределенно вышло, всю дорогу потом переживал, не показалось ли, что остаться у нее хотел. Он-то хотел, но она с мамой живет, и неудобство от расставания привез с собой на последней электричке, а потом еще возил несколько дней.

Несколько недель, пока она была в своей Африканде, он всюду носил с собой и дорисовывал эскиз их последнего расставания, твердо решив в конце первой недели: будь что будет, пусть он покажется смешным, но скажет ей, вот просто скажет, что любит ее. Говорят же это люди, и совсем обычные, не геройские люди говорят. Вот завхоз Алексей сказал же своей жене когда-то «я тебя люблю», а он маленький и усатый, но, значит, он жене нравился. Вот и он непременно скажет. Он высокий, не усатый и подружкам раньше вроде нравился. Это «раньше» было совсем давно, до счастливого приступа панкреатита месяц назад.

В конце второй недели Арик заболел: то ли от переживаний, то ли заразился от Юр Саныча, чей раскатистый чих сотрясал воздух за шкафом.

— В этом году грипп рано пошел, вот моя подруга на восьмом месяце умудрилась заболеть, так у ребеночка осложнение на сердце дало, до сих пор мучаются. Зато от армии откупать не надо, — задумчиво сказала Галина Васильевна, подводя шарик на мониторе компьютера к лунке.

Катька перестала поглаживать живот, закрыла сайт с детскими кроватками, выбросила в ведро недогрызенное яблоко и засобиралась домой. На следующее утро она позвонила и сказала, что передачу дел Арику закончила, врач прописала ей посещать дневной стационар, так что с этого дня она окончательно в декрете.

К концу рабочего дня на Арика навалилась такая тяжесть, как будто сдвинулись стены и потолок, и только он, как Атлант, держит их на плечах, тоже ставших каменными. Голоса вокруг казались глухими, будто отгороженными толстым слоем ваты, тело обмякло в офисном кресле и не хотело идти даже домой.

Девушки на мониторе Юр Саныча сверкали розовыми трусиками и неистово терлись друг о друга грудями. Как блохастые собаки, — вяло подумал Арик и протянул креативщику листок с очередным техзаданием.

— Что там? Вымпел спортклуба «90-60-90», женщины в купальниках бегут с олимпийским огнем, куда? В Летний сад? Колонну возглавляют двое мужчин с

мускулистыми телами, как у... кого? Тореадоров? Особое внимание при создании макета надо обратить на то, что первый бегущий должен быть похож на генерального директора клуба, а второй на... КОГО? Главу комитета по спорту и развитию физической культуры населения администрации города... ТЗ утверждено. Фото прилагается.

С распечатанных фотографий в упор смотрели две упитанные, вполне мускулистые, неуловимо друг на друга похожие морды.

— Пожелание заказчика, — развел руками Арик, на всякий случай отойдя подальше от не менее мускулистого на лицо Юр Саныча. — Мы, конечно, устроим брэйн-сторминг и предложим им свой вариант, но привязку к персоналиям просили сохранить.

— А кто-то один хотя бы во главе колонны бежать не может? — горько спросил Юр Саныч.

— Нет, — искренне посочувствовал ему и развел руками Арик. — Они же братья.

— Анатолий просил поторопиться с этим вымпелом, — с расстановкой сказала Галина Васильевна тоном человека, не спеша прилаживающегося, чтобы вбить последний гвоздь. — Это почти гос-за-каз!

Дизайнер исторг из себя креативный рык, перешедший в оглушительный чих, и раздраженно бросил листок с техзаданием на стол к похожим листкам, заляпанным коричневыми кружками от стекавшего по чашке кофе.

Арик приплелся домой, выпил шипучие таблетки, прополоскал горло содой и даже нашел на дальней полке кухонного шкафчика бутылочку из темного стекла с наклеенной бумажкой «Люголь». Это название было совсем из детства, он даже позвонил маме, которая давно жила отдельно, и получил подробную инструкцию, как им пользоваться, но так и не решился лезть в горло обмотанной ватой авторучкой, а просто лег спать и тут же провалился в глубокую, очень теплую и темную яму. В этой яме ничего не было, лишь один тяжелый шар, в центре которого пульсировала боль.

Назавтра он, через все сгущающийся вокруг уже не только головы, но и всего тела слой ваты, еще поехал на работу, потом к гравировщику — делать надписи на медальонах: их утвердили именно такими, как он придумал сходу в «Самоцветах». В этот день, как и все две недели, он думал о ней, но тоже как сквозь вату, а к вечеру слег и провалялся с гриппом две недели.

Дела его временно вела Галина Васильевна, которая звонила ему домой с неизменной первой фразой: «Лечишься, Арсений? Лечись-лечись, завал полный!» — волновалась за то, как проходит лотерея «Омута», не потерялись ли в офисе медальоны с гравировкой, понравились ли заказчику бегущие в Летний сад марафонщицы в бикини, утвержден ли девиз симпозиума сторонников оздоровительного питания «Семь бед — в тарелке ответ», почему пошел полосами десятитысячный тираж листовок кафе «В гостях у зебры»...

Арик отвечал на звонки, звонил сам и даже убедил заказчиков из «90-60-90» перенести головы спортивно-административных братьев подальше от бегущих, на остроконечный часток ограда сада. Там они смотрелись значительней и даже как-то уместнее. К тому же Юр Санычу никак не удавалось сростить мускулистые тела тореадоров с головами братьев. Несостыковка проявляла себя в районе шеи: рельефные тела никак не хотели носить на себе смахивающие на шарпеев лица спортивных функционеров. А вот работа с

отдельно взятыми головами была Юр Санычу по плечу. В прошлые депутатские выборы «Первая рекламная» ударно потрудились на благо сразу пятерых кандидатов, и теперь по помещению голов в рамки и вензеля, как и по приведению в приятный глазу вид, равных ему не было. Это полезное умение было главным в любви Анатоля к креативному дизайнеру, ведь выборы случаются хоть и досадно редко, но все же регулярно. Ради них можно было простить и сетевых девиц, жрущих трафик офисного Интернета, о чем ежемесячно сообщали отчеты о посещаемых сотрудниками сайта, которые компьютерщик Толян клал ему на стол с видом выполнившего секретное задание агента, хотя половина офиса знала, а остальные догадывались о маленькой хитрости директора. Юр Саныч тоже догадывался, но ему было плевать.

Обо всем этом думал Арик, когда выполнял свои обязанности и метался по кровати в жару. Метался, выполнял и снова метался. Температура держалась долго, и, измученный и весь ватный, он плохо помнил, что сделал, что нет, были ли эти звонки Галины Васильевны или только приснились. Нелепость того, что он говорил и делал, смешивалась с его собственным болезненным бредом. И всегда рядом с ним была она, то вплетаясь в этот бред, то возвышаясь над ним, то угадываясь сквозь него.

Она уже вернулась из своей бредовой Африканды. Даже прислала короткое сообщение: «я вернулась». Арик мечтал, что узнав о болезни, она придет к нему, в белом халате, сядет у кровати и положит руку на лоб, но просить не мог, да и неразумно это — она же с детьми общается.

Он тоже писал ей сообщения, бодрые и скупые: поправляюсь, очень хочу видеть. А в тяжелой дреме, почти в бреду разговаривал с ней и все не мог наговориться, так много надо было ей сказать, столько слов накопилось. Арик путался, бубнил про себя, но находил все новые и новые истории, лишь бы только говорить с ней.

— А вот в Торфяновск как я съездил... Всю дорогу обратно сочинял, как тебе расскажу, а ты смеяться будешь. У погранцов в комендатуре с начальником разговариваем, он плакат наш у себя вешать не хочет, боится, отрещивается. Генерал, говорит, придет, напьется и как там карта ляжет, как бы не выгнали, и денег не надо. Вдруг у него телефон звонит, проблема, по разговору слышно, зона-то приграничная, прибалты рядом... Перезванивает кому-то: «Была у вас вчера в Помпадурках ситуация, что с автобуса ссадили бабушку с пропиской в поселке Кишкино?» Ав-ав-ав, — ему там отвечают. «Старший погранотряда бьет себя пяткой в грудь, что вообще такого не было? Говорят, начальник отряда на пробке сидит постоянно, он вообще трезвый был, когда высаживал? Бабушка домой вернулась с гостинцами, до внука не доехала, а мы тех, кто с местной пропиской, свободно пропускать должны. Родственники ее теперь жалобу президенту пишут!» Потом успокоился и говорит: «Слушай, мне бы пять щитов придорожных нужно, стоят они у меня в плане. Понимаешь, закон обязывает, чтобы на въезде в пограничную зону написано было: так, мол, и так, мать вашу, граница рядом, веди себя прилично, не напивайся и документ при себе имей. В законе-то прописано, а денег не выделяют, а мне закон исполнять надо. Я к муниципалам: те мне кукиш. А с меня требуют! Передай хозяину вашему, может, в рамках, так сказать, взаимодействия...» Но это все ерунда, милая моя, хорошая, я с ним говорю, и нипочем мне щиты эти, ведь ты-то есть, да и никто их не установит: ни «Омут», ни страсти эти со снастями, ни государство. А мужики-то местные как напьются, так из ружей палят по единственным двум табличкам, которые комендант бережет как зеницу ока. Им забава, а ему расстройство... На прощание попросил: визитки хоть сделайте.

А в «Омуте» все хорошо! Заживет теперь «Омут»!.. Лотерею провели. Мне Фрекен Бок благодарность их за выбор призов передала и фото с роликом прислала: стоят мужики с медальонами, прямо как я месяц назад представлял! Сюрприз подругам, говорят, будет. Один усатый прямо сияет, недавно, говорит, подарил своей девушке цепочку, а теперь и медальон как раз, будет знать, что я не где-нибудь, а в «Омуте» пропадаю! Все как Катька наша предсказывала, гений маркетинга, недооценивал я ее... Таких Катек, знаешь как много, кругом одни Катьки: хваткие, деловые, зубастые, в коротких свитерах, верткие. Главное, нахальные до остервенения, до самой крайней такой пошлости, какую и у торговли рыночной не сыщешь. Ты не такая, ты благородная, детей лечишь, у тебя как будто иммунитет от бреда, который окружает, сгущается, закручивается в воронки. Я в нем тону, а ты как островок, нет, остров, большой остров, только бы добраться до него, лечь на песок и все, земля под ногами, спасся!

В деревне, где «Омут» находится, на берегу реки ангел стоит. Настоящий каменный ангел, хоть сейчас в музей. Одна рука заломлена, вторая отбита как у Венеры. Там кладбище старое рядом, заросшее, разрушенное. Так этот ангел с надгробия. Его в перестроечные годы с могилы одной из купчих — деревня-то богатой была — мужичок местный притащил. На этого ангела дачники покушались, огороды свои украсить хотели, так вот он и принес: у реки простор, далеко все видно, не украдешь. Я возле этого ангела и так и сяк с фотоаппаратом, чуть в реку не свалился — там парапет такой, остатки каменной пристани, так он на самом краю, а мне ж вблизи его нужно! Он же у нас рекламное лицо «Омута». Подобрался, повис там как-то, за ветку уцепившись, камеру навел, приблизил. А у него глаза пустые, каменные, без зрачков, белесые, как выколотые, и по щеке слеза ползет. Дождь был, с дерева над ним капает. Плачет ангел. Но нам нельзя, чтобы ангел плакал. «Ничего, думаю, Юр Саныч фотошопом-то подотрет. Уж и не такие лица в порядок приводил, неужели с ангельским не справится».

Ты не смейся надо мной и не пугайся, но лицо ангела на твое похоже. Только глаза у тебя живые, теплые, и слез я твоих не видел... Ты как будто руку протягиваешь в этот омут бессмыслицы и пошлости, который я сам же и создаю, в который сам же и лезу. Ты детей лечишь, и пусть мамы тебя обслугой считают, но ведь лечишь же, а я, знаешь, чего я добился за десять лет? Придумал логотип одной конторы, вернее сказать, стырил идею у другой, более успешной, и усовершенствовал с помощью Юр Саныча. Я этим горжусь, ведь логотип теперь ездит мимо меня каждый день на тентах грузовиков и на служебных иномарках этой конторы. Одна меня недавно чуть не сбила, пронеслась перед носом на зебре, но я все равно был горд, ведь на ней красовался «мой» логотип...

— И выхода из этого бреда нет, нет, — метался он по постели. — Ты, ты одна мой выход... С тобой даже бред имеет смысл.

Приходила вечно спешащая мама и приносила мед и малиновое варенье. Приходила иногда подкармливающая его соседка, старушка Рита Романовна и приносила домашнее печенье. Протянула тарелку, постояла в дверях, о чем-то поспрашивала несущественном, лишь бы постоять да поспрашивать, и ушла. Он раньше не понимал, почему она его опекает, а потом мама рассказала, что давным-давно был у соседки единственный сын, очень похожий на Арика, разбился на мотоцикле, который подарила та ему на совершеннолетие.

Приходил даже Юр Саныч: заскочил на минутку и отдал распечатанные макеты, но поддался на уговоры и просидел на кухне два часа. Съел почти все соседкино печенье и мамино малиновое варенье, зато научил Арика как вкуснее: толсто режешь сыр, а сверху щедро поливаешь его вареньем.

Юр Саныч долго говорил о работе, о том, какая же все-таки ведьма Галина Васильевна и какой козел Анатолий, потом переключился на баб и рассказал о новой подружке, выловленной в сети, обладательнице великолепного зада в форме сердца, прямо как у Ким Бэссинджер. Арик слушал и понимал, что больше не может. Он должен ее увидеть. Закрыв дверь за креативным дизайнером, он набрал ее номер, удивился быстрому соединению и быстро сказал в трубку:

— Я очень хочу тебя увидеть, можно?

Она могла через два дня в обед. Арик не готовился к этой встрече, не репетировал, не перебирал фразы. Он был похож на человека, который загодя собрал чемодан перед поездкой и вот сидит на нем, ждет. Перебирать чемодан бессмысленно, все сложено, упаковано, закреплено. Осталось дожидаться момента, когда надо будет подхватить чемодан и выйти.

Он знал, что должен ей сказать о том, что «порхающие бабочки в животе» — это ерунда по сравнению со сладкой болью под ребрами, которая опоясывает и щекочет, когда он думает о ней. Самая приятная болезнь на свете — это его панкреатит, самое лучшее техническое изобретение — лифт, самые замечательные люди — проворные бабушки, самое прекрасное, что они могут сделать — вбежать в закрывающиеся двери лифта. Самое лучшее место — конечно, больница. В нее приводит панкреатит, в ней ездят лифты, а в лифты забегают бабушки.

Он теперь, если мимо проезжает, всегда голову поворачивает и, даже если не видно больницы, ребра у него начинает сводить и покалывать. Когда есть она, он готов придумать еще сотню логотипов, которые будут рассекать по городским магистралям, проплывать по каналам, ездить в подземных поездах, висеть на каждом доме, заборе, столбе. Он готов браться за большое и не гнушаться малым, потому что только она может придать смысл самым бессмысленным вещам. Еще он хочет то, чего не хотел никогда: стать ребенком. И переболеть всеми детскими болезнями, лишь бы его врачом была она.

Его чемодан был собран, он больше не мог сидеть и ждать.

На ней в этот день была блузка с отлогим воротом и узкая юбка-карандаш.

— Спасибо за цепочку, — улыбнулась она. — Я дома открыла чемоданчик и так обрадовалась! И медальон вот как раз к ней подошел...

На шее у нее висела серебряная цепочка с крупным медальоном, они идеально подходили друг к другу.

— Мне к ней медальон один знакомый подарил, только на нем ерунда какая-то написана «Снасти и страсти» и «Всегда Ваш, Омут». Но издалека не видно. Ты не знаешь, что это значит?

В первую секунду Арик не знал, что это значит, и даже обрадовался как человек, который видит быстрый результат своей работы. Как тогда, когда обрадовался ехавшей на него машине с логотипом. Но уже в следующее мгновение он не знал, что ей сказать. Как ей сказать, зачем...

Медальон был повернут той стороной, на которой тоненько и мелко было выведено каллиграфическим почерком старого гравировщика «Снасти и страсти». Когда делали надписи, он все боялся, что не поместятся, и просил: мельче, как можно мельче. Издалека не видно, она могла не волноваться, что дурацкую надпись прочтут. Он не стал распаковывать свой чемодан с бабочками и сладкой ломотой в ребрах. Не рассказал ей про «Омут», ничего не спросил про медальон, хоть и помнил усатого победителя лотереи, сообщившего в камеру о том, что подарил его цепочку. Она была с ним ласкова, как врач с заболевшим ребенком. Таким ребенком он себя и чувствовал, болело внутри, и давно заболело, разладилось, развинтилось.

По дороге на работу Арику было холодно, он старался ни о чем не думать и только повторял про себя бессмысленную фразу, которую где-то услышал, запомнил и теперь всегда повторял, когда мерз: «Комитет охраны тепла». Кажется, так называлась рок-группа, но это было совершенно не важно, этот «комитет» позволял ему немного, хоть мысленно, согреться, а теперь еще и помогал не думать о ней.

В офисе бегал оживленный Анатоль.

— Наконец-то! — вскричал он, увидев Арика. — «Снасти и страсти» и «Омут» просят тебя придумать фразу для их рекламного придорожного щита. С администрацией договорились, с тебя только фраза осталась, чтоб цепляла, чтоб люди с дороги сворачивали — и напрямик в «Омут»!

— Вы давно уху ели? — сказал ему Арик.

— Что? — не понял Анатоль.

— Вы давно уху ели? — четко повторил Арик и посмотрел на Анатоля. — Это фраза.

— Мысль! — просиял Анатоль.

— Еще пробел подрежем, чтобы слитно читалось, — хохотнул из угла Юр Саныч. — Точно запомнят!

Галина Васильевна на всякий случай одобрительно кивнула и загнала в лунку еще один шарик.

— Держи, как новый! — Юр Саныч положил ему на стол ворох картинок. Над выстроившимися в ряд домиками «Омута» склонился каменный ангел. Лицо его было задумчиво и печально, а, главное, избавлено от капель дождя, подтеков и трещинок. Так же идеальны и по-ангельски чисты были благородные, смелые лица спортивных братьев, украшавшие ограду Летнего сада на следующей картинке.

Арик уткнулся в компьютер, подобрал ноги и замер. Он представлял, как падает в глубокую, вырытую в земле яму, летит спиной вниз, разрывая на лету своим телом сцепившиеся корни деревьев, а яма — бездонная, и никак ему не разбиться.